

Патрис Леконт: «Нам всегда хочется чего-то противоположного. Блондин хочет стать брюнетом, брюнет — блондином»

Газета 2003-22 апр-с. 4

Патрис Леконт —
Газете

«не я выбирал Джонни Холлидэя — это он меня выбрал»

Фильм «Человек с поезда», объединивший знаменитого французского артиста Жана Рошфора и легенду рок-музыки Джонни Холлидэя, поставлен одним из самых плодотворных и удачливых современных европейских кинорежиссеров — Патрисом Леконтом. В дни, когда «Человек с поезда» с успехом идет в российском прокате, с Патрисом Леконтом в Париже встретился Антон Долин.

«Человек с поезда» — одна из самых удачных и цельных ваших работ за последние годы. Можно ли считать его также наиболее личным из ваших фильмов? Прежде всего, спасибо за такие слова. В моем возрасте, когда ты приходишь к своему двадцатому фильму — круглая цифра, — приятно слышать, что ты снял сильную картину: значит, до распада еще далеко. С этим фильмом любопытно вот что: я не писал сценарий сам, но у нас со сценаристом, видимо, немало общего, и в итоге я узнал себя в этом фильме. Он безумно похож на меня, этот фильм. Так было с самого начала. Но если у режиссера есть личный почерк, он всегда отдает картине всего себя, даже если кто-то другой написал сценарий.

То есть вы хотели бы изменить свою жизнь, начать ее с нуля — как того хотят герои Жана Рошфора и Джонни Холлидэя?

Забавно, что эмоционально я абсолютно погружен в этот фильм, но проблемы его персонажей меня не касаются. Моя жизнь просто гениальна, у меня немало привилегий... Когда я был подростком, то мечтал именно о такой жизни, какую имею сегодня. Поэтому ничего менять я не хочу, хотя и понимаю, как можно об этом мечтать. В любом случае, «Человек с поезда» говорит о более универсальных вещах, которые для меня очень важны: например, что никто не может измениться в одиночку. Измениться можно лишь в контакте с кем-то. Если ты закроешь глаза и сложишь руки на груди, ты не изменишь ничего: широко открыв глаза и распахнув объятия, интересуюсь другими, ты сможешь измениться.

О чем вы мечтали, когда были подростком? Неужели о том, чтобы стать кинорежиссером?

Мои мечты были очень простыми и претенциозными. Когда я был ребенком, я уже понимал, насколько можно выразить себя в мечтах. Я хотел писать, быть актером, художником... И в результате стал, потому что

кинематограф объединяет все эти профессии. Кино пришло ко мне, как невозможный сон, который был идеальной целью, а потом он стал реальным: мне повезло.

Принесли ли вам съемки этого фильма новый профессиональный опыт?

Я пробую делать что-то новое, но когда снимаешь так много фильмов, с каждым годом это становится все сложнее. Я пытаюсь поставить себя в новую ситуацию. Например, этот фильм ненатурален, стилизован, сконцентрирован на двух персонажах.

Как вышло, что вы выбрали на главные роли столь непохожих друг на друга людей — Жана Рошфора и Джонни Холлидэя?

Не я выбирал Джонни Холлидэя — это он меня выбрал. Четыре-пять лет назад, во время церемонии вручения «Сезаров», мы встретились, познакомились. Он говорит: «Добрый день, я Джонни Холлидэй», а я отвечаю: «Да что вы, я в курсе!» Он мне сказал столько приятного о моих фильмах, которые смотрел и неплохо знал, и закончил свои комплименты, произнес очень серьезным голосом: «Однажды я хотел бы сняться у тебя». Оригинальная формула: не «хорошо было бы как-нибудь поработать вместе», а вполне определенно, четко. Я сказал: «Отличная идея, с удовольствием». Эта мысль засела у меня в голове, но я не мог ничего придумать, когда представлял себе Джонни. Он не может быть вещью в себе! Желание было, а сформулировать его я никак не мог. И тогда я позвонил Жану Рошфору. Так все и связалось. Встреча Рошфора и Холлидэя в фильме — уже целая комедия. Вот и пошло-поехало...

У них нет ничего общего даже как у актеров. Джонни не играет, а как бы существует в пространстве фильма рядом с великолепным актером — Рошфором...

В этом сама идея фильма — встреча противоположностей. Поначалу и Жан, и Джонни очень волновались, они не были знакомы до того. Джонни — большой поклонник Рошфора, и он постоянно спрашивал меня, удастся ли ему подняться до его уровня. Рошфор тоже задавал себе вопрос: возможно ли играть комедию на пару с рок-звездой? Но нам повезло — мы снимали фильм в хронологическом порядке, и это безумно ценно для эволюции отношений между персонажами. Все сцены между Джонни и Жаном снимались в правильном порядке. Это тот редкий случай, когда подобному порядку ничто не мешало: маленький провинциальный город, скромная съе-

мочная группа... Раньше со мной такое случалось очень редко — разве что в «Муже парикмахерши», но именно в «Человеке с поезда» это было особенно важно.

Жан Рошфор в интервью Газете рассказывал, что был потрясен, увидев, как обыватели реагируют на появление Джонни Холлидэя. А как вы отнеслись к поведению окружающих Джонни поклонников?

Я в отличие от Рошфора в курсе того, насколько Холлидэй популярен во Франции, он звезда! Поэтому меня ничто не удивляло. Но мне очень понравилось, как он вел себя по отношению к фэнам, он был любезен и мил, давал всем автографы. При всем при том Джонни был исключительно дисциплинированным на съемках.

Жан Рошфор так и не снялся в роли Дон Кихота у Терри Гиллиама, но отчасти воплотил этот образ в вашем «Человеке с поезда».

Я об этом никогда не думал, но мечтания Рошфора в фильме действительно напоминают о Дон Кихоте: он мечтает о приключениях, о лошадях, о химерах. А вот о чем я думал во время съемок постоянно: о духе вестерна, который царит в фильме. Когда в первый день съемок я увидел в объектив камеры пустой вокзал, поезд, который останавливается, и человека в кожаной куртке, который сходит на перрон, я тут же подумал о вестерне.

В самом деле — ведь Дон Кихот мечтал делать добрые дела, а герой Жана Рошфора, скромный школьный учитель, мечтает стать романтическим злодеем. Нам всегда хочется чего-то противоположного. Блондин хочет стать брюнетом, брюнет — блондином. Рошфор всегда был абсолютно нормальным: учитель, живущий по ежедневному расписанию, живущий постоянно в одном доме. Плоская жизнь! А он мечтает ворваться в банк с пистолетом. Любой, кто ведет сидячий образ жизни, хочет быть авантюристом: не слишком оригинальная мечта. Куда оригинальнее то, что авантюрист мечтает надеть шлепанцы и курить трубку у домашнего очага. Они мечтают друг о друге.

Они могли бы быть одним и тем же человеком?

Да, в том смысле, что внутри каждого из нас живет его противоположность. С самого рождения. Это как холм, одну сторону которого греет солнце, а другая всегда находится в тени. Такую тень отбрасываем мы все.

Leconte Patrice

22.01.03.